

Переходъ е въ о. Древнее е, въѣсть съ нимъ и е изъ ъ, постѣ мягкихъ согласныхъ и ј мало-по-малу стало переходить въ о.

Это новое о мы встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII—XIII в., кievскихъ и неизвѣстнаго происхожденія (чловѣка, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 179, вѣровѣно, описка): въ Словѣ Ипшолита объ антихристѣ XII в.: съжакомъ 22, блажонъ 99, мужомъ 21, бавьшомъ 24, звѣздочытльцомъ, хытрыцомъ ъ, раздѣливьшомъся (дат.) 40, държащомъ 164; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: врьжонъ, врежонъ 4 об., съврьшнъ 52 об., отлущонъ 56 об., пущонъ 61, осужонъ 58, движомъ (прич.) 66 об., имущомъ (дат.) 1 об., слугащомъ 13 об., путыникомъ прищдльшомъ и вино носящомъ 13 об., шьдльшомъ 21 об., вѣровавьшомъ 33, врачомъ 68 и др.; въ Лѣтствіѣ XII в. (Рум. Муз. № 198): борющомъся 10 об., носящому 12 об., рекшому 14 об., нерасужащомъ (дат.) 6, въспрѣщающомъ (дат.) 54 об.; въ Трїодѣ Моисея кievлянина XII—XIII в.: примешому 37, стоящомъ 73 об., поживьшомъ 26 об., сьрящомъ (1 л. мн.) 35 об.; въ Толстовскомъ Сборникѣ XIII в.: келиномъ устрьмльшомъся на Трояду и съвкучльшомъся 184 об. Необходимо имѣть въ виду, что изъ приведенныхъ примѣровъ въ значительной части (во всѣхъ формахъ дат. л. ед. и мн.) о можетъ быть обьясняемо какъ слѣдствіе не перехода е въ о, а вліанія формъ твердаго склоненія на формы мягкаго склоненія.

Въ памятникахъ галицко-волынского говора XII—XIV в. случаи употребленія о ивъ е также встречаются: въ Христинопольскомъ Апостоѣ XII в.: илшому 85; въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII в.: дважошомуся; въ Поликарповомъ Ев. 1807 г.: по-свѣдшошому; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. пришедши, черныя, иячю, чоботомъ, у Зучеювъ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ закънто вліяніе официального литовско-русского языка старато времени—обыкновенна нарѣчія, и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ русскаго нарѣчія, и что нѣкоторые изъ случаевъ употребленія о могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія.

Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ случаи употребленія о ивъ е (вѣроятно, въ нихъ о только подъ удареніемъ звучало какъ о); такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV вв. мы читаемъ: нашю, чотыриствъ, чолкомъ, чого; въ ономъ ивъ за-падно-русскихъ памятниковъ XV в.—въ Четвъ 1489 г.—употребленіе о ивъю е встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ оно почти не встрѣчается: повеказю, даждю, радучюса, молчюса, поучю, учивши, слышавши и т. п.; въ печатномъ Ев. Тинянского XVI в. употребленіе о ивъю е также очень часто: коня (род.), чумозю-нипою (тв.), чотыриданьць, коведчюго (род.), кризачюго, серцо и т. п. Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ о ивъ е, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: вашому, нашому, немльомъ; въ полоцкой выданной XIV в. (въ Полоцкомъ Ев. № 12): аждо, и въ полоцкой грамотѣ князя Андурія конца XIV в.: Соменью озеро.

Въ близкихъ къ этимъ памятникамъ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, рязанскихъ, московскихъ и друг., о ивъ е ordinarily часто. Мы читаемъ въ Учительномъ Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. (вѣроятно, ростовскомъ): свѣрьшювъ 68 об., приключшюмся (дат.) 79 об., конь и дѣти 81, иамъ приступашюмъ 82, сущюмъ 84 об., вѣдѣвшюмъ 85, кризювъ 86, вѣрующюму 88 об., приходшюмъ 89, жюко 107 об., чюдовѣцкыя 211, чюдовѣна 123; въ Лѣтнѣ Нифонта 1219 г.: сошшюму 125 об., умршюму 126 об.; въ Апостоѣ 1220 г.: вѣсташшюму 33, вѣрушшюму 51, творашшюму 64 и др.; въ Рязанскомъ Коричей 1284 г.: ашю 37 об., трижюмъ 174 (дат. нв.), хотшшюму 63, 97, освѣршшю-

мюмъ 67, ишшюму 76 (и еще нѣсколько подобныхъ формъ дат. ед.); въ Ев. 1354 г.: ни о конь жю 68, врачювъ, глаголашю 69, ашю 72 об., шешю, он жо 74, бѣ жо ашшюмъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: ромюно 8 об., жюмъ свѣдѣгюмъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: жюмъ; въ московскомъ Ев. 1393 г.: шюмъ 47, пришюмъ 41 об., 46, 45 об., 68, 95 об., 100 об., 103, 116, пришюмъ 43 об.; пришюмъ 46 об., 72, пришюмъ 42 об., собрашю, оджюю 69 об.; въ Даврентьевской сл. ктб.: приидшшюма (дв.) 26, дошшювшю 268; въ Чулковской Новомъ Завѣтѣ XIV в.: жючюмъ 17 об.; въ Паремникѣ XIV в. (Троицк. Лавра № 3): пшшю 18 об., ишшюмъ 25 об., 36 об., развращшюно 31, напшшюмъ 34, шюмъ 35, ижшшюмъ 46. Оверхъ того, о ивъ е мы находимъ въ старшей московской на-мѣткѣ — въ духовной Ивана Калиты: Дангашюва свобода, Матѣишюмъ сего.

Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна е черезъ о также встрѣчается: Прогомъ 1262 г.: звѣзашшюму 49, пришшюмъ 54, послашшюму 67 об., смѣшшюму 124; Корчюна ок. 1282 года: лежашшюму 44б об.; Ев. 1355 г.: жюмъ 46 об., шюмъ 60 об., 90, шюмъше 77, шюмъша 83, ошшюмъша 64, жерцюмъ 66 об.; годоворю Новгородѣ съ тверскими князьми XIV в.: Торжюмъ, рубожюмъ, чюмшюмъ, новю-ропшюмъ; грамота къ князюмъ 1392 г.: купшшюмъ, купшшюмъ; Силь-востровскій сборникъ XIV в.: пришшюмъ жюмъ 56 об., тжюмъ 164 об.; Новгородская летопись XIV в.: Тържюмъ 161; Двинская рѣчь XIV—XV в.: княжюшшюмъ (ред.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ е въ о произошелъ только послѣ шипшюмъ и џ; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя повѣдываютъ, что еще имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ кнѣпшю согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать о послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣли передавать и мш), и потому, если рѣшалось изобразить о, то были или прибѣгаютъ къ какому-либо особому способу изобразенія этого о, или отказывались отъ изобразенія кнѣпшю согласнаго. Мы читаемъ въ Новгородскомъ Ев. 1270 г.: двюмъ—днѣмъ—днѣ-тъ; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: Мелеюмъ 155 = Елѣюмъ, сравни Олѣна; въ колдомонск. Цанѣвъ 1406 г.: Мелеюна, Мелеюмъ 41; въ новгор. Прогомъ 1356 г.: ашюмъ 83 об.—аршюмъ; въ новгородскомъ Ев. XIV в. Тил. Б. № 11:

серѣбро, запись; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: на соль Поморь, по соль доконьданику; въ полоцкой грамотѣ княгини Андреевой к. XIV в.: князь Семона; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: озора, за морожь, рубльовъ; въ Псалт. сл. гл.: въ Капювъ 268 (=въ Капювъ). Въ послѣднихъ примѣрахъ *о* передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчьи уподобленіе *о* въѣсто *e* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшою количествомъ случаевъ, которые невозможно подвести ни подъ какое определенное правило; можно только сказать, что *о* изъ *e* является наибольше часто тогда, когда за *e* слѣдуетъ твердый согласный; это мы видимъ обыкновенно послѣ пишущихъ и юта: украинск. жовтій, нічого, чорній, чобіть, чолоніть, вюра, шовковий, модіо (рякомъ: желати, леву, 1 л. еж., Боже, за, вже, часати, чатурній, чешкий, більше, шепути, шенати и др.); но есть случаи уподобленія *о* изъ *e* и послѣ другихъ согласныхъ: украинск. мѣнь, слези, трѣма, сѣмий. Въ малорусскомъ нарѣчьи уподобленіе *о* изъ *e* не находится въ зависимости отъ ударенія и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударяемыхъ слогахъ.

Въ нарѣчьяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которые ѡзвучаютъ, *о* на мѣстѣ древняго *e* въ настоящее время записывается ударенія и является лишь тогда, когда находится подъ удареніемъ въ концѣ слова или въ серединѣ слова передъ твердыми согласными. Впрочемъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ съ неполнымъ ѡзвученіемъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ *сѣрцо, зѣдзі, перъдѣ*.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ уподобленіе *о* изъ *e* сходно съ уподобленіемъ *ево* въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т. е. *ево* мы слышимъ постоянно подъ удареніемъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ, когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ *о* изъ *e* въ слогахъ неударяемыхъ, по преимуществу также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримеръ, слышится въ олонечкомъ говорѣ: жонѣ, шемѣннучокъ, крѣстничукъ, чолдывѣць, егѣ, ѣмъ, подѣ, сѣстра, ѡзѣро, кудѣвѣць (Онежскія бѣлгия, записаныя Гильфердингомъ); въ пержемскомъ

говорѣ: шатѣ, мѡжеть, тоскуѣшь, нишнь, постой жо; въ говорахъ Тверской и Владимирской губ.: несу, тѣлю, стѣлю, свитѣ, пойма-тъ.

Если мы сопоставимъ случаи уподобленія *о* изъ *e* въ древнерусскомъ языкѣ съ случаями уподобленія *ево* въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что первоначально въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчьяхъ *о* образовалось изъ *e*, когда это *e* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовало твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ удареніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось ѡзвученіе въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *e* исчезло, перейдя въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными. Въ послѣднихъ въ эпоху образованія *о* изъ *e* еще не принадлежали пишущіе и *и* и потому мы имѣемъ великор. мѣтеть, сжжнній, чѣшеть, брешеть, головошка, шебеть, пецъ, плешеть, лещъ, отечь, молокоць и т. п.; случаи съ *о* на мѣстѣ *e* въ родѣ платѣць, ѣць, ѣгнеться, оѣжа (рякомъ: ожежа), лѣгнѣшка (рякомъ: лѣгнѣшка), нѣднѣць (рякомъ: нѣднѣць), тѣща (рякомъ: тѣща), не смотря на свою многочисленность, почти всѣ могутъ быть легко объяснены дѣйствіемъ аналогіи, получающимъ особенную силу послѣ отвердѣнія *ж* и *ч*.

Изъ правила уподобленія *о* изъ *e* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными подъ удареніемъ—есть много исключеній, которые распадаются на двѣ группы: въ одной мы видимъ сохраненіе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другой находимъ *о*, гдѣ ждали бы *e*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *e*, прежде всего относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковнославянскаго происхожденія: вѣсть, чѣнь, пещера, воевошина, вертець, жѣлтва, ковчегъ, крестъ, небо, небось, блаженъ, шествовать, лѣвь (хотя собственное имя звучитъ: Левъ), жѣтъ, королева, предкъ (послѣдніи два слова—голонизмы,=польск. krolowa, przedmiot),—и малоподобительныя собственные имена въ родѣ Орестъ, Афинягъ, Паржеть, Мамеѣфа, Манеѣфа (при Петръ, Олѣѣръ, Оксѣтъ, Савѣтъ, Фѣкъ, Марѣѣна, Олѣѣна). За этими случаями нѣтъно поставитъ тѣ, въ которыхъ за *e* нѣкогда слѣдовало бы видѣть согласный

звучь, теперь въ московскомъ говорѣ уже отвердѣвши: почтенный (въ почтенныи), душевный, плачевный, паревня, любезный, бѣло-жеский, земскій, жезскій, судобный, учебный (инюда, впрочева, говоритъ и учебный), жемчугъ (въ жемчугъ). Слова же относятся къ слову со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *р* теперь въ московскомъ говорѣ звучитъ уже твердо: жерухъ, первый, сурдъ, стерва, четвертъ, ушеръ (=верехъ, верехъ...). Далѣе слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ огрицаніемъ не: невоуъ, неваивствъ, нехоуа, некороса, негучъ, неслуга; весьма возможно, что *д* въ *е* сохранилось подъ влияніемъ тѣхъ случаевъ употребленія огрицанія подъ удареніемъ, въ которыхъ за *е* слѣдуетъ малій согласный, т. е. случавъ въ родѣ невидалъ, нечетъ, нехриствъ; срани. великорусск. шелка (раюмъ съ шолка) при шѣл, шешка; шѣскъ при шещ, отъ-отка при мотъ, шестъ (бѣлор. шостъ), нашествка при шешекъ, бѣлор. ела (раюмъ съ великор. ела) при ель. Еще далѣе—слова съ префиксомъ безъ: безогоуъ и т. п. (срв. безъ тоу, безъ дыму и т. п.). Наконецъ, перекъ нами сѣв.-великор. формы 2 л. мн. на *ѣ*: есѣ, спитѣ, хотитѣ, раюмъ съ которыми общими формы на *ѣ*: сѣв.-великор: спитѣ, хотитѣ и т. п., стар. сѣв.-великор. есѣ (отъдальская грамота 1621 г.: есто—есѣ Ак. Арх. Э. III, 167), бѣлор. стонцѣ, сдвипцѣ и т. п.; вѣроятно, *е* сохранилось первоначально въ формахъ возвратнаго залюга, въ родѣ никитѣся, а потомъ перешло и въ формы дѣятельнаго залюга, въ родѣ нидитѣ.

- Слѣдующіе случаи сохранинія *е* принадлежатъ къ числу мнимыхъ исключеній, гдѣ мы пишемъ *е*, но гдѣ надо было бы писать *ѣ*:
1. *блжскъ* (срв. полск. *blask*), *бръдъ*, *бръмскъ*, *бръмскъ* (вѣст; срв. мадор. *traskajet*), *вигити*, *виготъ* (Кормчая ок. 1282 г.; вѣдхы 688; Ев. 1339 г.: вѣдхы мѣхы, ривѣ вѣдхъ 38; лит. *veitšas*; раюмъ п.-слав. *ветухъ*, сѣв.-великор. *вѣтой*, пол. *wieści*, дат. *vecht*), *ночмѣтъ*, (Даврентьевскій сп. 155: *ночмѣтъ*; срв. мадорусск. *ночмѣтъ*, —га), *опака* (срв. мадор. *опика*), *пмакаръ*, *пмостъ* (срв. полск. *piast*), *кжскъ* (корень тотъ же, что въ *кжътъ*, *кжетка*, *кжши* и т. п.); въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находемъ звуки, восходящія къ *ѣ*: сербск. *кжешти*), *малкй* (Даврент. сп. дѣл. 296: *малка*; срв. нѣрк.-слав. *малътъ*, мадорусск. *милки*, полск. *miłki*), *маша* (срв. др.-русск. *вакша*), *накогда* (=вѣтъ времени), *накому*, *накого* и т. п. (*завѣсъ* *нѣ*=*нѣтъ*, 3 л. наст. вр.; срв. сѣв.-великор. *экогда*, *экому* = есть когда, есть кому), *формк*.

род. и вше. п. личнхъ и возвратнаго местоименій *меня*, *тебя*, *себя*, *завѣс* виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ (завѣс *ед.* съ *ѣ*: *земля*, *дупѣ*), нарѣчіе вообще, вообще *кжѣсти* п.; срв. въ Русск. Правдѣ до сп. ок. 1282 г.: въ *бчч*, 33). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которые у насъ иногда пишутся съ *ѣ*, какъ *бемжскъ* (мадор. *бемжтъ*, —пѣа, полское *bezimie* ясно указываютъ на *ѣ*); *лмса*, *лмста* (срв. ии п.-сл. *лмса*, *рѣшотка*, полск. *laska*, *вѣтка*); *лмкаръ* (вѣтъ ии ма-лѣйшаго основанія писать *ѣ*). Нарѣчный суффиксъ *ѣ* въ словахъ *гдѣ*, *нигдѣ*, *вездѣ* пишется нами вполнѣ правильно съ *ѣ*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣеть различный видъ: въ первоино-славянскомъ и мадорусскомъ онъ звучитъ *ке*, въ сербскомъ и великорусскомъ *дѣ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *ѣ*, все объясняется болѣе или менѣе легко дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *ѣ* въ формахъ *зовѣте*, *идѣте* (2 л. мн.), *зовѣтъ*, *идѣтъ* (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ *зовѣтъ*, *идѣтъ* и др.; точно такъ же объясняется случай въ родѣ на *кжѣтъ*, въ чернов.-точно такъ же *берѣтъ* (срв. *кжѣтъ*, *червоветъ*, *берѣва*), *ѣд*, *моѣ* (дат.), *зѣвъ*, на *берѣтъ* (срв. *кжѣтъ*, *червоветъ*, *берѣва*), *ѣд*, *моѣ* (дат.), *при еѣ*, *моѣ*; срв. сѣв.-великор. *ѣму*, *моѣму*), *торшочекъ* (при *торшечекъ*; срв. *торшотъ*), *шочка* (срв. *шѣкн*, *мн.*), *рубѣвникъ* (срв. *рубѣвнй*), *тѣта* (срв. *тѣтка*), *околасѣта* (срв. *коласѣта*), *ранѣшнѣко*, *бѣлор. ранѣшнѣко* (срв. *ранѣшнѣко*), *бѣлѣшнѣко*, *бѣлор. бѣлѣшнѣко* (срв. *бѣлѣшнѣко*); гочно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на *жѣствѣ* *ѣ*, а на *жѣствѣ* *ѣ*: *ѣѣ*, *тоѣ*, *самѣѣ*, *воѣѣ* (при *ѣѣ*, *тоѣ* и т. д.; род. и вше. пад.); *зѣѣѣ*, но всей вѣроятности, оказали вліяніе существовавшія некогда формы род. и вше. пад. *жѣѣ*, *тоѣѣ*, *сеѣѣ* (а можетъ быть, и формы тѣхъ же пад. на *ѣѣ*, *оѣѣ*, *тоѣѣ*, *тоѣѣ*). Случаи въ родѣ *звѣзид*, *гнѣзид*, *вѣдрѣ* (то же *ѣѣ*, *оѣѣ*, *тоѣѣ*), *раюмъ* съ которыми слышится *звѣзид*, *гнѣзид*, въ бѣлорусск.), *раюмъ* съ которыми слышится *звѣзид*, *гнѣзид*, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: *чередованіе* *звѣзид*—*звѣзид*, *гнѣзид*—*гнѣзид*, *вѣдрѣ*—*вѣдра* были названы чередованіями въ родѣ *жѣѣ*—*жѣѣ*, *сестрѣ*—*сѣстрѣ*, *вѣсѣ*—*вѣса*. Наконецъ, аналогією объясняется также форма *пріобрѣтъ*: *чередованіе* *пріобрѣтъ*—*пріобрѣтъ* было названо чередованіями въ родѣ *жѣѣ*—*жѣѣ*, *вѣѣ*—*вѣѣ*.

- Здесь должно указать на несколько книг, исключений. В формах *сѣла* (мн.), равно какъ въ *осѣлантъ*, *осѣлнй*, — *о* является правильно (древн. сѣлго; въ Поученияхъ Барлаа Лерусл. XII в.: *бе-сѣла* 117 об., въ перк.-славянск. Супрасльской рукописи: *осѣлннѣ*; въ *зѣть* писали у насъ уже въ XIV в.: см. Даврент. сн. лѣт. 63; *осѣлдавъ*, *осѣлда* Паремникъ 1378 г. 65 об., 99; *осѣлннѣ* Палаг 1406 г. 70), срв. сѣв.-великор. и бѣлор. *бесѣла* и сѣв.-великор. *сѣсѣлѣ* (корень *сѣд-*). Форма *пѣдѣлѣ* также правильна, но *о* образовалось изъ *е*, а *е* изъ *ъ* (пѣтъ, пѣтъ). Въ формахъ *бѣтъ* (прош. вр. отъ *бѣжати*) *о* также правильно, но *о* восходитъ къ древнему *е* (срв. сѣв.-магдорусск. *бѣотѣ*, гдѣ акфтонгъ изъ *ѣ*, *е*). Въ словахъ *зѣтъ*, *позѣвытъ*, *подѣвка*, *наѣвынѣтъ* (при подѣвка, *наѣвынѣтъ*) *о*, можетъ быть, также восходитъ къ *е*. Въ словахъ *рѣдка*, какъ оно звучитъ въ некоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, *о* образовалось изъ *е*, срв. въ Пантеатъ Никона Черноторск. 1296 г.: *рѣкловъ* 82 об., *магор. рѣдка*, польск. *grodkiem*, гдѣ *о* изъ *е*. Въ сѣв.-великорусск. *сверѣтъ* *о* можетъ быть очевидно полскимъ *swierzora*, *swierzorka* кобыла (*о* изъ *е*). Въ формахъ *осѣтъ* (она слышится въ некоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) *о* восходитъ къ *ъ*; срв. перк.-слав. *ослннѣ*; въ Лѣтинъ Епифанія Кипрскаго XII в.: око *ослннѣ* 15.

Замѣчательно, что русское *е* не перешло въ *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *е* не было никакого согласнаго (даже *јота*), т.-е. въ началѣ словъ; въ великорусскомъ нарѣчьи слышится: *это*, *эво*, *эдакъ*, а не *ото*, *ово*, *одакъ*, въ бѣлор.—*гэтоу*, *гэтакъ* и т. п.

Время начала перехода великор. и бѣлор. *е* въ *о* можно опредѣлить приблизительно. Это—та эпоха, когда *ъ* еще существовало какъ отгубный звукъ, отгубный отъ *ѣ*, но когда, послѣ постепеннаго гашихъ *ъ* и *ь* или перехода ихъ въ *о* и *е*, некоторые изъ бывшихъ передъ ними твердыхъ согласныхъ успѣли ассимилироваться съ мягкими согласными слѣдовавшими за ними и смѣшаться; *е* передъ подобными смѣшенными согласными не перешло въ *о*: великорусск. *рѣшѣчатнй*, изъ *рѣшѣчатнй* (срв. *рѣшѣтка* изъ *рѣшѣтъ*), *лѣхѣ*, изъ *лѣхѣ* (срв. *лѣтнй*), *шѣпѣшь*, изъ *шѣпѣшь* (срв. *шопотъ*), *умѣрнй*, изъ *умѣрнѣ*, *лѣще*, изъ *лѣщѣ*.

Въ галицко-волынской говорѣ, кроме перехода въ *о* древняго *е* и *е* изъ *ъ*, совершился, также передъ твердыми согласными и

јотѣ, переходъ въ *о*—*бѣтъ* *сожнѣнѣ*, *долгое—ѣ*, или *новало* *ъ*. Примеровъ этого перехода въ галицко-волынской довольно много (назжемъ на формы кат. мн. *зѣрнѣтъ* въ Ев. XII—XIII в. Никольскаго монастыря № 150 л. 82, *изволнѣтъ*, *отрѣкающнѣтъ* въ Выскаго монастыря № 150 л. 82, *изволнѣтъ*, *отрѣкающнѣтъ* въ Высокннскомъ сборникѣ, *каущнѣтъ* въ Поликарповомъ Ев., *льбокъ* *стѣднѣтъ* 127 об., *вращѣтъ* 42, *отручншѣтъ* 29, *купнѣтъ* 58 об., *младнѣтъ* 59, *жертѣтъ* 67, 99, 104, *старнѣтъ* 133 об., 139 об., 146 об. въ Бучацкомъ Ев. XIII—XIV в., *бнльшѣтъ* въ Лѣтинъ Савви XIII—XIV в. 411, *смущающнѣтъ* 327, *влѣзущнѣтъ* 271, *младнѣтъ* 126, 141 об., *старнѣтъ* 107 об. въ Ев. Верковича XIV в. (Публ. В.), на формы мн.-вн. ед. *кожьѣтъ* въ Ев. Никольскаго мон. л. 74 об., *разнѣтъ* въ Поликарповомъ Ев., *вечѣръ* 34 об., *блжѣтъ* 28 об., *положѣтъ* 6, 139, *вльжѣтъ* 6, 55, *отвержѣтъ* 45 об., *прожѣтъ* 100 об., *вльжѣтъ* 56, *свершѣтъ* 73, *украшѣтъ* 64 об., *смѣшѣтъ* 136, *исчѣтъ* 139, *развращѣтъ* 51 въ Бучацкомъ Ев., *уражѣтъ* въ Лѣтинъ Савви 148, *вечѣръ*, *вльжѣтъ*, *оужѣтъ*, *положѣтъ*, *прожѣтъ*, *отлучѣтъ*, *исчѣтъ*, *раздѣшѣтъ*, *смѣшѣтъ*, *развращѣтъ* въ Ев. Верковича, на формы род. мн. *вращѣтъ* 10, *десятъ* *прожѣтъ* *мужъ* 66 об. въ Бучацкомъ Ев., *вращѣтъ* 125, *бъжѣтъ* 150, *жѣтъ* въ Ев. Верковича, на формы 1 л. мн. *можѣтъ* 98, *рѣжѣтъ* 85, *хопѣтъ* 90 об., *вльжѣтъ* 51 въ томъ же Ев. Верковича, гдѣ *о* должно быть объяснено изъ *ѣ*), и это *ѣ* очень рано перешло въ акфтонги и *у*.

Переходъ *ѣ* въ акфтонги и *у*. Долго *ѣ*, и ударное, и неударное, развившееся въ галицко-волынской говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *ѣ* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой—изъ *ѣ*, или *новало* *ъ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *ѣ* (послѣ мягкихъ согласныхъ),—долго до-малу стало провинциализироваться и приближаться къ *у*; наконецъ оно перешло въ акфтонги *ѣ*, *ѣ* и т. п. и въ *у*. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волынской провинциализации: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *вечѣръ* *субутннй*, *шѣдѣтъ*; Галицкое Ев. около 1266 г.: *нодѣжѣтъ* (дат.); галицкия *прамоты* XIV—XV вв.: *увѣкужѣтъ* (дат.), *дружѣтъ*, *кобровѣтъ*, *торѣтъ*, у *Вншннвѣтъ* *границѣ*, *фѣтъ*, *зу* *дѣбованнѣ*, но *нѣкъ*, *ѣва* *свои*, но *божѣтъ* *нарѣжнѣтъ*, у *нашѣтъ*, *прошѣтъ*, *Нѣсторъ*, *чѣтъ*; *молдавскія* *прамоты* XIV—XV вв.: *при* *тѣ*-*то*, *бнльшѣтъ*, *слѣбѣтъ*, *исчѣтъ* (1 л. мн.).

Это у нас находимъ въ Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: *твѣдъ, ствѣдъ*, въ *крестилъ оуфанѣи*, *висоль* (в=ѣ); *уаборозьмѣнъ, мѣдъ*, по свой стороны; *женшмѣ* (двг.), *злѣдъмѣ* (род.); въ *Сборникѣ* конца XVI в. Сын. Библ. № 937: *звучѣтъ, кустанѣдъ, цушло, сжннѣтъ* съ неба и т. п., а также въ литературныхъ памятникахъ южно-русскихъ XVII и XVIII вѣковъ, лвовскихъ и кievскихъ: *Наука оубъ унѣи начъ*. XVII в.: (Рум. Мз. № 376): *костомѣтъ, по нѣдъ*; *Плать альбо лементъ* 1615 г.: въ *славѣ добрудѣ*, въ *дому* *своомѣ*, въ *нѣдъ*, о *нѣмѣ*; *Вирши Беринди на Рождество* Хр. 1616 г.: *свѣдѣтъ, старцѣтъ*, въ *нѣдъ, мѣдъ*, въ *воомѣ*, и т. п.; *Вирши Касіана Саковича* 1622 г.: *цупночнмъ, кроломѣ* (двг.), *непрѣдѣломѣтъ*, — *дѣмѣтъ*, въ *нѣдъ* и др.; *пнтерлюдіи* *Георгія Ронискаго* XVII в.: *вунѣтъ, постудѣ, тудко* и т. п. Срв. въ *Протестанціи* *запорожскихъ казаковъ* 1610 г.: *визѣтъвъ, визномѣтъ* (Акты Ю. и З. Р. Д.). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, какой именно звукъ передаютъ здѣсь черезъ букву *у*: *дифтонгъ*, или *у* *долгое*, *кромѣ* одного указанія Галицкаго Ев. 1283 г., *пактннѣкъ*, въ *сжжѣннѣ*, *крайнѣ* *борзѣго* *опискѣмъ*: *звъ отъдѣ* (=у *отъдѣ*—въ *отъдѣ*) 24, 24 об. (три раза), *говорѣннѣго* въ *пользу* *дифтонга* *юо* (срв. въ томъ же Ев.: *жѣтъ* *ульнѣ* *вѣчнмъ* 61—у *отъдѣ*). Срв. приведенные выше (стр. 51) случаи употребленія *oo* на мѣстѣ *o*: *воовьдѣ*—*овѣдѣ* Галицк. Ев. ок. 1266 г. и др.

Современные сѣверно-магдурскіе говоры (вмѣстѣ съ сѣверными бѣлорусскими) имѣютъ и дифтонги *юо, уо, уи* (*куонѣ, куонѣ, кумѣнѣ, свомѣдѣ*, и т. п.), и *у* (*кунѣ, мунѣ, свомѣдѣ*), и *и*, *ы* (*мѣдѣ, мунѣ*). Южно-магдурскіе говоры на мѣстѣ *ѣ* имѣютъ *і* съ твердымъ или мягкимъ предшествующимъ согласнымъ (*кѣнѣ, мѣдѣ*), которое развилось изъ *ѣ* при посредствѣ дифтонговъ, между прочимъ — *дифтонга* *уѣ*: *кѣнѣ*, и которое по памятникамъ восходитъ въ XVI в.: *Пересопницкое* Ев. 1561 г.: *видѣовѣдѣдѣ*; описание Черкаскаго замка к. XVI в.: *тамыннѣтъ, макѣчѣтъ* (Арх. Ю.-З. Р. VII, Д).

Кромѣ *у* изъ *ѣ*, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось — *повидимому*, въ очень ограниченномъ количествѣ — *сугавѣ* — *у* изъ *неударнаго* древняго *ѣ*: *Галицкое* Ев. 1283 г.: *сугавѣ* 51 об., 57 (изъ *сжжѣтъ*), *убрѣгоша* 51 об.; *Дупное* Ев. XIV в.: *сугавѣ*; *Грамота* 1378 г.: *мунѣстѣнѣдѣ*. Срв. соврем. сѣверно-магдурск. *улонѣ*, *тудубѣ*, *тубѣ*, *субѣ* и т. п. — *Формы* *неопредѣл.* *накл.* въ *родѣ* *купцувѣтъ*, *танцѣловѣтъ*, *магловѣтъ* *сюда* не относятся: они обязаны своимъ *у* *выннѣннѣ* *формѣ* *наст.* *вр.*: *купцю*, *танцѣлю*, *маглю*.

Отношеніе ѣ къ е. Какъ мы уже сказали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество *сугавѣтъ* употребленія *е* вмѣсто *ѣ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ, какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ѣ* черезъ *ѣ* является болѣе часто: *гал-волынск.* *Добрѣдово* Ев. 1164 г.: *свѣтъ*, *веснѣ* (2 л.), *обретѣдѣ*, *нежнѣ*, *беснѣ*, на мѣстѣ, на мѣстѣ и др.; *новгородскій* *Стефанъ* 1157 г.: *семене*, *измененнѣ*, *обретѣ*, *прегрѣшеннѣ*, *теженнѣ*, *многотѣрѣшеннѣ*, на дрѣвѣ, *прѣлетнѣ* и т. п.; найдены на западно-русскомъ *Роговолово*мъ *камень* 1171 г.: *костеннѣ*; при этомъ въ южно-русскихъ, въ частности въ галицко-волынскихъ памятникахъ *обратеннѣ* *замѣнѣ*, *замѣнѣ* *е* *черезъ ѣ*, *совѣтъ* или *почтѣ* *совѣтъ* *отсутствуетъ*, а въ памятникахъ новгородскихъ, наоборотъ, *ѣ* *вмѣсто е* *древняго* и *е* *изъ е* *вылетѣ* *столь* *же* *часто*, *какъ* и *е* *вмѣсто ѣ*. *Стефанъ* 1157 г.: *сѣмѣтъ*, *кормѣ*, *повѣльнѣдѣ*, на *новѣ* *бѣсѣ*, *тѣловѣннѣтъннѣтъннѣтъ*, на *колѣннѣтъннѣтъ*, *бѣзмѣдѣннѣтъ*, *прнѣтъннѣтъ*, *рокѣтъннѣтъ* (*твор.*), *нѣрѣтъннѣтъ*, *нѣтъ* и др. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности — въ *Новгородѣ*, въ второй половинѣ XII в. различіе между *ѣ* и *ѣ* было слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ѣ* и *ѣ*, прочие же русскіе говоры пошли по другому пути.

Древніе новгородскій и псковской говоры, вмѣстѣ съ отцурскимъ *перваго* — *дѣннѣтъ* *говоромъ*, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ѣ* не совмѣстна *ѣ* или по крайней мѣрѣ не приближались къ *ѣ* (всего чаще въ *середи*нѣ *словъ* при *послѣдующемъ* *твердомъ* *согласномъ*), въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ѣ* (въ *гнѣтъ*, *дѣдѣ* и т. п.) и *ѣ* (въ *елѣ*, *дѣнѣ* и т. п.). Отсюда въ *однихъ* *новгородскихъ* и *псковскихъ* *памятникахъ* полное сжигненіе *ѣ* *вмѣсто ѣ* и *ѣ* употребленіе *ѣ* *на мѣстѣ е*, *такъ* и на *мѣстѣ ѣ* *того* *ѣ*, которое образовалось изъ *ѣ* (т.-е. *ѣ*); въ *другихъ* — употребленіе *ѣ* *только* на *мѣстѣ е* (такъ что на *мѣстѣ е* — *ѣ* *очень* *рѣдкѣ* *имѣ* *исключеннѣ* — *пннѣтъ* *ѣ*).

Къ числу *первыхъ* *памятниковъ* *прнѣдѣлѣтъ* *перва* *часть* *Новгородской* *лѣтописи* (завѣтъ, между прочимъ, *форма* *нѣ* *дѣ* *ср.* *р.* *вѣтъ*—*вѣтъ*) и *новгородскій* *говоръ* 1265 г. (завѣтъ, между прочимъ: *на* *вѣтъ*, на *прѣтъ*—на *вѣтъ*, на *чѣтъ*, *вѣтъ*—*вѣтъ*). Къ числу